

УДК 821.0–82-1/-4

АЛЕКСАНДРОВА-ОСОКИНА Ольга Николаевна, доктор филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Дальневосточного государственного гуманитарного университета. Автор 46 научных публикаций, в т. ч. двух монографий, двух учебных пособий

РУССКОЕ ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ОЧЕРКАХ ВАЛЕРИАНА НИКОНОВА

Данная статья обращена к творчеству «забытого» писателя В.Я. Никонова («Архангелогородца»), уроженца Архангельской губернии. На материале его очерков исследуется своеобразие художественно-публицистического воплощения духовной тематики в очерковом жанре. Очерки В.Я. Никонова посвящены Русскому Северу и ценны богатым историко-этнографическим материалом, большой интерес представляет религиозно-духовное содержание очерков и особенности его воплощения. Значимой частью содержания очерков становится религиозная жизнь Русского Севера. Религиозное содержание очерков усложняет и углубляет документальный материал, он оказывается «духовным вектором», в соответствии с которым и переосмысливается все содержание, и сближает очерк с летописным повествованием. Материалы очерков позволяют поставить вопрос об особом характере очеркового хронотопа, который, раскрывая прежде всего конкретно-историческую перспективу, обнаруживает и смысловую, ценностно-историческую глубину, связанную с раскрытием исторического и вневременного. Значимым элементом содержания становится обращение к теме древнерусской словесности (монастырские летописцы, жития, писцовые книги, устные предания), которая видится автору сокровищницей народной духовной культуры. Важным жанровым и композиционным элементом в очерках являются исторический портрет, пейзаж и религиозный экфрасис. В пейзажных зарисовках неотъемлемым элементом природного мира является храм (монастырь), который прочитывается как «духовная вертикаль» русского национального пейзажа. Религиозный экфрасис характеризуется синкретизмом восприятия, целостность храмового пространства организуется духовными святынями (иконами и мощами). Материалы данного исследования вносят вклад в изучение русской очерковой прозы и побуждают обратить внимание на то, что русский очерк первой половины XIX века, в период становления русского реализма, не был только документальным и фактографическим, но сохранил традицию духовной русской литературы, идущую еще от древнерусской словесности: предметом духовного осмысления становились отечественная история, место человека в ней, значимость религиозного духовного Слова.

Ключевые слова: *путевой очерк, историческая проза, документальность, религиозная литература, духовность литературы, экфрасис, пейзажные зарисовки.*

Статья обращена к осмыслению особенностей художественно-публицистического освоения духовной тематики в очерковой прозе первой половины XIX века. Предметом исследования стали очерки Валериана Яковлевича Никонова (1802–1834), творчество которого посвящено Русскому Северу. Писатель был уроженцем Архангельской губернии, сыном городского головы Якова Петровича Никонова¹; ряд его произведений был подписан псевдонимом «Архангелогородец». В. Никонова можно отнести к «забытым писателям», а между тем его произведения («Северный дневник», «Рассказы двинянина, или Отрывки из записок путешественника», «Отрывки из проекта путешествия, предпринимаемого по Северу России», стихотворение «Чувствования двинянина») публиковались в столичных изданиях (литературных газетах «Колокольчик» и «Северная пчела», журналах «Северный архив» и «Сын Отечества») и были замечены критикой: О.М. Сомов писал, что им присущ «восторженный слог» [1].

В. Никонов в своем творчестве обращается к форме, популярной в первые десятилетия XIX века, – дневнику путешествий. В очерках в целом доминирует фактологический материал: статистика, география, экономика, этнография и история; изложению присуща описательность и хроникальность, фрагментарность, авторская декларативность. Документальный характер записок подчеркивается и характером названий произведений: «Отрывки из записок путешественника», «Проект путешествия, предпринимаемого по Северу России», «Северный дневник». Все это узнаваемые приметы очерковой прозы, которую традиционно связы-

вают с развитием реалистических тенденций и документально-публицистическим началом.

Вместе с тем значимой частью содержания становится религиозная жизнь Русского Севера (религиозная история, описания храмов, портреты священнослужителей). Очерковый хроно-топ, связанный с созданием конкретно-исторического, линейного, времени, обнаруживает новые содержательные стороны: в повествование включается время-пространство далекого прошлого, религиозного «вневременного» и «вечного»; в современности и фактологичности открывается присутствие бытийного начала. Религиозное содержание очерков задает новую точку отсчета для документального материала, обозначает «духовную вертикаль», которая и оформляет все пространство. Средствами лиризации повествования становятся пейзаж, религиозный экфрасис, авторская эмоциональность, соотнесенность с народной мудростью.

Хроникальное изображение приобретает личностную окраску уже тогда, когда в разных эпизодах автор говорит о своем родстве с Архангельской землей: упоминает об отце, Я. П. Никонове, архангельском городском голове², о других своих родственниках: священнике Лисестровского прихода отце Василии³ (Нахорове)⁴, крестьянине Иване Христофорове, предок которого, а значит, и самого автора, священник Никифор (Христофоров) был лично знаком с Петром I, а сам Иван Христофоров принимал в своем доме императора Александра I⁵. Никонов находит слова для выражения любви земле, вырастившей его: «...Я <...> смотрю на шумящий лед, несомый сердитыми волнами Двины Северной, воспоившей меня с младенчества, <...> где была колыбель моя»⁶.

¹Яков Петрович Никонов избирался трижды городским головой в г. Архангельске: 1799–1802, 1808–1811, 1817 – 25.04.1819. URL: <http://arhgorduma.ru/?page=199/1> (дата обращения: 03.02.2014).

²Никонов В.Я. Извлечение из дневника путешествия по Северу Европейской России // Отеч. зап. 1823. Ч. 16. № 43. С. 278.

³Нахоров Василий, священник Лисестровского прихода (1817–1824). URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_persons.php?id=355 (дата обращения: 03.02.2014).

⁴Никонов В.Я. Указ. соч. С. 278.

⁵Никонов В.Я. Указ. соч. // Отеч. зап. 1823. Ч. 13. № 37. С. 201.

⁶Там же. С. 197.

В очерках историческая эпоха, дыхание веков «просвечивают» сквозь все повествование: проявляются в исторических экскурсах, в обращении к именам известных и неизвестных исторических деятелей Севера, к старинным книгам. Это создает картину непрерывного исторического процесса, неразрывной связи времен, событий и имен. Источником повествования становятся монастырские летописцы, жития, писцовые книги, устные предания. Среди литературных памятников старины автор называет «Двинский летописец», летопись истории Поморья с 1342 по 1750 год (редкое библиографическое издание, сохранилось в списках XVII–XVIII веков) [2], харатейные грамоты царя Бориса, документы о заточении митрополита Филарета.

Древнерусская словесность оказывается для писателя не только источником исторического материала, но и эстетическим ориентиром. Осмысление места человека в историческом событии, понимание национального пространства, религиозное видение человека и истории, ритм повествования – все это становилось предметом художественного переосмысления. Автор лично причастен к хранению традиций, он не протоколист, а живой собеседник, приобщение к древностям для него есть форма личного духовного поиска. Так, он подробно останавливается на фактах чтения старинных книг, знакомстве с древнерусскими документами. Например, пишет о том, что в семьях старообрядцев видел «много древних, греческого письма икон, старинных славянских; <...> там читал я книги, печатанные при царе Фёдоре Годунове; видел письменные октоихи с древними крюковыми нотами, по коим старообрядцы пели, <...> снял также список <...> с большого деревянного креста, находящегося при их кладбище, с изъяснениями начерченных на нем различных букв»⁷ [1, с. 132].

Исторические портреты представлены в ряде очерков развернутыми характеристиками, но чаще краткими зарисовками или просто упомина-

ниями. Это имена государей и заметных фигур русской истории: Ивана Васильевича, Бориса Годунова, Алексея Михайловича, Петра I, Екатерины II, Александра I, Марфы Борецкой. Ценным и для краеведения, и для общенациональной культуры является введение в очерки лиц, деятельность которых связана с историей Архангельского края. Это религиозные подвижники: Святой Антоний Сийский, патриарх Филарет, игумен Антониево-Сийского монастыря Феодосий, монах Паисий; священнослужители Архангельской губернии: архиепископы Архангельской епархии Преосвященные Афанасий, Варсонофий, Иоасаф (Лисенский), Антоний (Зыбелин), Арсений, Вениамин, епископы Архангельский и Олонецкий. Имена многих из них сегодня почти забыты, остались только в кратких статьях словарей. Очерки В. Никонова, таким образом, продолжают традицию летописей и хранят память, оказываются в одном ряду с исторической прозой.

На страницах очерков запечатлены современники В. Никонова, деятельность которых внесла вклад в развитие русской культуры. Таков, например, епископ Архангельский и Холмогорский Неофит (Докучаев-Платонов) (1782–1825), «Северный Златоуст» [3, с. 239], на проповеди которого собирались массы прихожан; великий подвижник русской культуры, он первым предложил создать памятник Михаилу Ломоносову в Архангельске. Никонов на страницах своего очерка оставил ценное личное воспоминание о проповеди Преосвященного: «...Произнесена была им прекраснейшая, краткая, ясная и сильная проповедь. Во множестве жители Архангельска стекаются внимать красноречию сего проповедника. Свободное выражение, обилие мыслей, мужество слога – суть отличительные черты в его проповедовании Слова Божия. Почти в каждый праздник, в каждое служение его украшается кафедра и услаждаются сердца слушателей – прекрасными словами сего архипастыря»⁸.

⁷Никонов В.Я. Указ. соч. // Отеч. зап. 1823. Ч. 16. № 42. С. 132.

⁸Там же. № 43. С. 268.

Краткие характеристики того или иного лица приобретают значимость и смысловую ценность в исторической перспективе: так, читатель узнает, что «преподобный Антоний был весьма искусный иконописец», труд которого не пропал во времени, но «во многих местах губернии труды сего угодника Божия» сохранились⁹. Так на страницах очерков осуществляется преемственность поколений.

Духовное начало в очерках создается пейзажными зарисовками, где неотъемлемым элементом природного мира является храм или монастырь. Принципом создания пейзажа в очерках является панорамность: предметы описываются в свете пространственной перспективы, что дает возможность ощутить характерные черты северного ландшафта, центром которого оказывается храм; он является вертикалью в графическом, изобразительном, смысле и прочитывается как «вертикаль духовная» в символическом.

Возле г. Онеги «горы ограждают город со стороны юго-восточной, прикрываясь густым красным лесом. Почти все строение протягивается по <...> ложбине и одна токмо церковь соборная возносится на гору, образующую конечную черту города (который кажется особо красивым. – О. А.-О.) в миниатюре с <...> горы Пивки <...>. Длинные ряды маленьких домиков рассыпаются по зеленому бархату обходящих их с востока полей; древний величественной архитектуры собор Успения Пресвятой Богородицы возвышает одиннадцать глав своих, подле коего видны красивые деревянные его колокольня и старинная пятиглавая церковь св. Николая. Левее белеет чрез густой лес горный каменный храм собора, за коим леса, пригорки, часть города равно и окружающая оный в виде блестящего лазурного пояса река Онега <...> синеющеся

лоно вод залива Белого моря, из недр коего восстает на темном, утесистом <...> острове монастырь Животворящего Креста Господня, <...> окружаемый мачтами кораблей, стоящих при оном на рейде»¹⁰. «Храм Успенский стоит на мысу, издревле называвшемся от находившихся на нем сосен *бором*. Здесь представляется взору каменный монастырь архистратига Михаила с красивою колокольнею. История этого древнейшего храма будет напечатана особенно с видом онога. За широкою Двиной зеленеют отражающиеся в водах ее цветущие берега Лисеострова. Правее тянется ряд различных селений, коих церковные купола выказываются из-за густых прибрежных рощиц»¹¹.

В очерках В. Никонова названы многие монастыри Архангельского края: Антониево-Сийский, Артемиево-Веркольский, Спасо-Преображенский, Онежский (Кийский) Крестный монастырь, Красногорский Богородицкий монастырь. Само упоминание о них, краткое или развернутое, структурирует пространство; образ русского монастыря, окруженного суровой северной природой, становится символом, отражающим культуру Русского Севера.

В развернутых религиозных экфрасисах монастырь показан как часть природного пространства, неразрывно связанная с окружающим миром, историей и самим своим присутствием свидетельствующая о вечности Божественного начала. Художественные возможности сентименталистской и романтической прозы служат для создания живописных картин религиозно-духовного содержания. Так, в описании Антониево-Сийского монастыря важную роль играют эпитеты, подчеркивающие уединение, тайну: «уединенная обитель Св. Антония»¹², «пустынное безмолвие», «умилительное уединение»¹³; картина тишины создается образом эха:

⁹Никонов В.Я. Северный дневник // Сев. арх. 1826. Ч. 19. № 2. С. 132.

¹⁰Никонов В.Я. Извлечение из дневника путешествия по Северу Европейской России // Отеч. зап. 1823. Ч. 13. № 37. С. 206–207.

¹¹Там же. Ч. 16. № 43. С. 278–279.

¹²Никонов В.Я. Северный дневник // Сев. арх. 1826. Ч. 19. № 2. С. 139.

¹³Там же. С. 148.

«в звучный колокол <...> благовестили Литургию <...> и эхо повторяло свои отголоски»¹⁴. Атмосфера исторического предания, исторические имена, переливы света и тени, суточное движение солнца придают всей композиции лиризм и элегичность. Сама природа является свидетельством Бытия Божия: «...Здесь все тихо, все погружено в пустынное безмолвие: одни звуки колоколов, благовествуя Богослужение <...> прерывают тишину лесов окрестных <...>. Все улыбается, цветет довольством, веселием и приманивает взор путешественника: благоухание цветов, дождимых росой, разливается по окрестностям, и согласный хор пернатых обитателей леса, при рассвете розовых лучей утра и при закате дня, гремит радостную песнь Подателю жизни и веселия»¹⁵. Природа в восприятии автора становится сосудом, хранящим Божью Благодать. Идиллический пейзаж и изобилие райской земли сливаются в одной картине: «...Нивы окрестные щедро вознаграждают трудолюбие деятельного орастая; озера изобилуют вкусными рыбами, пажити произращивают питательную луговую зелень»¹⁶.

Границы хронотопа получают смысловое расширение и за счет ориентации на церковный календарь: обязательная для путевого дневника датировка событий обретает духовное наполнение, когда автор упоминает о Пасхе («21 апр. – Вечер Светлого Воскресенья»), датирует свой дневник днями Страстной недели. Пространство, время и событие, прошлое и современность оказываются неразрывно связанными в христианском празднике. Таким же праздником становятся и упоминаемые события церковной жизни, свидетелем которых автор стал. Например, перенесение в Красногорский монастырь из Архангельска Святыни Севера – Грузинской иконы Божией Матери.

Частью духовного пространства очерков становится религиозный экфрасис, он представлен описаниями икон и интерьеров храмов. Автор обнаруживает понимание религиозной и эстетической ценности церковного искусства, понимает символику и структуру храмового внутреннего пространства, поклоняется мощам святых и иконам, участвует в службах. Для экфрасиса характерен синкретизм восприятия: интерьер храма и религиозная служба выступают в единстве; переплетены динамика и статика, зрительные, слуховые впечатления (музыка, пение, размещение иконостаса, описания икон, игра света и тени); целостность храмового пространства организуется духовными святынями (иконами и мощами). Лексика, связанная с церковным обиходом (полиелейный колокол, благовестили литургию, обедня, инок, рака Угодника, пятирусный иконостас, потир, келарская, трапеза), служит созданию фактографичности и одновременно создает особый колорит.

Описания храмов и монастырских ризниц часто не разворачиваются в целостные картины, а даются простым перечислением, в виде реестра: «...Я <...> рассматривал а) домашний, келейный образ патриарха <...> б) образ Божией Матери, чудесно уцелевший среди лютого пожарного пламени <...> в) небольшой серебряный крест с надписью Латинскою»¹⁷; в ризнице автор видит: «1) Евангелие <...> на переплете, с позолотою и чернью, <...> 2) большой потир, приношение бояр Милославских. <...> 3) серебряный дискос под золотом с евхаристической надписью» <...> старинный ковш 7107 лета, присланный обители при игумене Феодосии; огромную серебряную чашу и Евангелие, осыпанное камнями драгоценными в золотой оправе, полученное монастырем в 1683 году от Патриаршего казначея Паисия»¹⁸. Своей точностью и историческими комментариями этот список мог бы быть

¹⁴Никонов В.Я. Северный дневник // Сев. арх. 1826. Ч. 19. № 2. С. 139.

¹⁵Там же. С. 149.

¹⁶Там же. С. 148.

¹⁷Там же. С. 141.

¹⁸Там же. С. 143.

полезным искусствоведам и историкам; фактографичность является определенной данью очерковому повествованию, но вместе с тем в самом характере описаний, отборе деталей, красочности эпитетов нельзя не увидеть и эмоционально-эстетических авторских оценок. Так, Евангелие Апракос (XVII век), отличной каллиграфии, с украшениями на полях, некоторые из которых по легенде выполнены царевной Софьей Алексеевной, путешественник называет «редкой драгоценностью монастыря», памятником «успехов наших в искусстве иконописания и каллиграфии книжного почерка в XVII столетии»¹⁹.

Внутреннее пространство храмов описывается автором вслед за последовательностью «осмотра» – так обычно строился экфрасис древнерусских хождений. «Зайдем в церковь: наружный вид ее предупреждает о древности основания. Темнота присутствует в ней и при сиянии солнечном: пример обыкновенной архитектуры сельских храмов. Пред иконами, вместо паникадил, стоят выкрашенные под пестроту колорита свеч местных деревянные столбики. <...> Иконостасные колонны Холмской церкви, как и всех старинных храмов, резные, в виде цветочных гирлянд и винограда, по негладкому полименту вызолоченные с некоторой частью мата. В храме Холмском видел я древнейшую икону святых апостолов Петра и Павла, принесенную сюда из Новгорода до построения церкви, воздвигнутой в начале XVI века. Икона сия вышиной 5 вершков и 4. <...> Прочие образа не столь заметны своей древностью; замечательнее между ними икона Дейсус. <...> Нынешняя церковь холмская освящена преосвященным Германом, архиепископом архангельским и холмогорским 7243 г. 27 июля, почему и положено при оной в сей день особенное торжествование. Вечерня Светлого Воскресения совершена им была в верхней церкви кафедрального собора. Стечение народа было многочисленно. Блеск светила небесного освещал величественный ико-

ностас, прорываясь между четырех столбов, правильно расставленных посреди храма <...>. На вызолоченных по полименту колоннах и иконостасе в 5 ярусов лились лучи солнечные. Ангелы, стоящие с орудиями страстей Христовых на широком позолоченном балдахине, с навесами алого бархата – над воротами царскими, блистали в сиянии очаровательном. Согласный хор певчих наполнял воздух приятными священными звуками!»²⁰

Очерки Валериана Яковлевича Никонова, неизвестные сегодня широкому читателю и даже, может быть, забытые краеведами Архангельского края, являются важным фактом литературной жизни 20-х годов XIX века. Публикация произведений автора в столичной печати свидетельствует о том, что они отвечали духовным и эстетическим запросам времени, прививали читателям интерес и уважение к святыням своего Отечества, «открывали» для общероссийского читателя духовные красоты Родины.

В 1845 году В.Г. Белинский писал: «...у нас совсем нет беллетристических произведений, которые бы, в форме путешествий, поездок, очерков <...> знакомили с различными частями беспредельной и разнообразной России, которая заключает в себе столько климатов, столько народов и племен, столько вер и обычаев» [5, с. 376]. Оценка критика была, возможно, слишком категоричной, т. к. русская очерковая проза обращалась к отечественной тематике, но сама заостренность проблемы показывает степень значимости подобных произведений в русской литературе. Наряду с исторической и философской прозой путешествия по России были обращены к поискам национальных корней и путей исторического развития России, к осмыслению духовного содержания русской культуры.

Традиционно очерковая литература относится ко «второму ряду» русской словесности, особенно если речь идет о произведениях журнальной прозы, забытых еще при жизни

¹⁹Никонов В.Я. Указ. соч. С. 147.

²⁰Никонов В.Я. Отрывки из проекта путешествия, предпринимаемого по Северу России // Сын Отечества. 1822. Ч. 82. № 47–52. С. 229.

авторов, или тем более о творчестве провинциальных писателей. А между тем, возможно, именно эта журнальная проза и дает возможность оценить литературную атмосферу, уровень интеллектуальных запросов и тот культурный контекст, в котором формировались

выдающиеся произведения русской литературы и вкусы читателя. Очерки В.Я. Никонова оказываются ценным памятником мемуарной литературы, по ним, а также по другим подобным произведениям по крупицам можно восстановить облик русской духовной культуры.

Список литературы

1. Сомов О. Обзорение Российской Словесности за вторую половину 1829 и за первую 1830 года // Северные цветы. 1831. URL: <http://bookee.ru/catalog/classic/somov-o-m-obozrenie-rossijskojj-slovesnosti-za-pervuju-polovinu-1829-goda/> (дата обращения: 01.02.2014).
2. Славянская энциклопедия. XVII век. М., 2004. URL: http://www.hrono.ru/organ/ukazatel/dvin_letop.html (дата обращения: 02.02.2014).
3. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. СПб., б. г. Т. 1.
4. Гусева Э.К. Грузинская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 13. С. 188–190.
5. Белинский В.Г. Вступление к «Физиологии Петербурга» // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. М., 1953–1959. Т. 8.

References

1. Somov O. *Obozrenie Rossiyskoy slovesnosti za vtoruyu polovinu 1829 i za pervuyu 1830 goda* [Review of the Russian Literature of the Second Half of 1829 and First Half of 1830]. Available at: <http://bookee.ru/catalog/classic/somov-o-m-obozrenie-rossijskojj-slovesnosti-za-pervuju-polovinu-1829-goda/> (accessed 1 February 2014).
2. *Slavyanskaya entsiklopediya. XVII vek* [Slavic Encyclopaedia. 17th Century]. Moscow, 2004. Available at: http://www.hrono.ru/organ/ukazatel/dvin_letop.html (accessed 2 February 2014).
3. *Polnyy pravoslavnyy bogoslovskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Complete Orthodox Theological Encyclopaedic Dictionary]. In 2 vols. St. Petersburg. Vol. 1.
4. Guseva E.K. *Gruzinskaya ikona Bozhiey Materi* [Our Lady of Georgia]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopaedia]. Moscow, 2007. Vol. 13, pp. 188–190.
5. Belinskiy V.G. Vstuplenie k "Fiziologii Peterburga" [Introduction to the "Physiology of St. Petersburg"]. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. In 13 vols. Moscow, 1953–1959. Vol. 8.

Aleksandrova-Osokina Olga Nikolaevna

Far-Eastern State University of Humanities (Khabarovsk, Russia)

RUSSIAN SPIRITUAL SPACE IN VALERIAN NIKONOV'S ESSAYS

This article turns to the works of the "long-forgotten" writer V.Ya. Nikonov ("Arkhangelsk-dweller"), born in the Arkhangelsk province, to study the unique introduction of religious and spiritual content in the essay genre. Nikonov's essays are devoted to the religious life of the Russian North and are rich in historical and ethnographic material. Such religious content deepens the documentary material, serves a "spiritual vector" directing our process of its rethinking and brings the essay closer to chronicles. The materials in Nikonov's essays allow us to talk of the special nature of the essay chronotope which, mainly focusing on the concrete historical perspective, at the same time reveals the deep historical value and meaning providing insights into the historical and the timeless. In his essays, Nikonov turns to the early Russian literature (monastic chronicles, lives, cadastres and folklore) seen by him as a treasure trove of folk spiritual culture. Important elements of the genre and composition in the essays

are historical portraits, landscapes and religious ecphrasis. The landscape descriptions always include a church or a monastery seen as a certain "spiritual vertical line" of the Russian national landscape. Religious ecphrasis is characterized by syncretic perception; integrity of the sacred space is organized by means of spiritual objects of worship (icons and relics). This research contributes to the study of Russian essays, which in the first half of the 19th century (during the formation of Russian realism) did not only have documentary and factual character, but also preserved the traditions of Russian spiritual literature dating back to early medieval Russia, when the national history, man's place in it and the significance of the religious word were interpreted in spiritual terms.

Keywords: *travel essay, historical fiction, documentary, religious literature, spiritual literature, ecphrasis, landscape description.*

Контактная информация:
адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, д. 68;
e-mail: osokina-11@mail.ru